

Митрополит Иларион: «Ни на что другое не променял бы это служение»

Накануне 30-летия иерейской хиротонии, которая совершилась 19 августа 1987 года, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион дал интервью «Российской газете».

– Владыка, 19 августа исполняется 30 лет со дня Вашей иерейской хиротонии.

Расскажите, как к Вам пришло решение быть священником. Ни разу не жалели, не сомневались в выбранном пути?

– Решение посвятить жизнь служению Церкви я принял в 15 лет. Я тогда учился в музыкальной школе, меня готовили к карьере профессионального композитора. Но меня все больше и больше влекло в Церковь. Притягивала сама атмосфера богослужения, весь строй церковной жизни казался родным. Мы с мамой ездили в паломничество по разным монастырям, читали вместе творения святых отцов, богословскую литературу, общались со священниками, старцами. Решение стать священником во мне вызрело постепенно, но оно было продуманным, взвешенным и – непоколебимым. С тех пор, как я стал монахом, а в скором времени и священником, ни разу не пожалел о сделанном выборе, ни разу не усомнился в его правильности. Ни на что другое не променял бы это служение.

– Как священнослужитель Вы служили в самых разных местах – от Московского до Венского храмов. Расскажите, насколько разной была практика Вашего служения? И что Вы больше всего любили и любите в служении Богу. Исповедовать? Служить Литургию? Окормлять духовных чад?

Служение Литургии – это та духовная сердцевина, вокруг которой выстраивается вся жизнь священнослужителя. Именно Литургия, стояние у Престола Божия – то, что дает силы на все остальное.

Тридцать лет назад я начинал свое священническое служение в монастыре. Но в скором времени был отправлен на приход, стал настоятелем сначала двух, потом четырех храмов в литовской глубинке. Три храма из четырех были в деревнях, где почти не осталось православного населения, большинство прихожан лежало на кладбищах. Радоница была главным днем года, когда со всей Литвы съезжались родственники помянуть усопших. А дальше затишье – до следующей Радоницы. Даже на Пасху на службе было не больше 30 человек.

Потом был приход в Каунасе – это уже совсем другое дело. Там было много прихожан, много работы. Я начал ходить в русскую школу, преподавать детям закон Божий – сначала в одном классе, потом в двух, а потом во всех десяти. Интересное было время и радостное.

Дальше – преподавание в Московской духовной семинарии, учеба в Оксфорде, возвращение в Москву, встреча с митрополитом Кириллом, нынешним Святейшим Патриархом. Эта встреча полностью изменила мою судьбу. Если раньше я занимался только пастырским служением и богословием, то теперь передо мной открылось новое поприще – внешних церковных связей. 22 года назад я на него вступил и продолжаю, с Божией помощью, по нему идти.

После шести лет работы под руководством митрополита Кирилла в Отделе внешних церковных связей я был рукоположен в сан епископа, нес разные послушания в Англии, Бельгии, Австрии, Венгрии. И вот уже восемь с половиной лет в Москве – в качестве председателя ОБЦС, председателя Богословской комиссии, ректора Общецерковной аспирантуры, настоятеля храма на Ордынке.

Главным своим делом считаю помощь Святейшему Патриарху в работе по всем тем направлениям, которые он мне поручает. Работы хватает. Но служение Литургии всегда остается той сердцевинкой, вокруг которой выстраивается все остальное.

– Вы написали немало книг, включая последний фундаментальный Ваш труд "Иисус Христос. Жизнь и учение". Как Вы считаете, каким языком надо говорить с современным миром о Боге и Спасении?

– Надо говорить, во-первых, тем языком, которым ты сам хорошо владеешь, а во-вторых, тем, который поймут люди. Я стараюсь максимально использовать все языки, которыми владею. И это касается не только языков в буквальном смысле: родного и иностранных. Один язык требуется в проповеди, другой – в телевизионной передаче, третий – в книге, четвертый – в статье, пятый – в интервью, шестой – в личной беседе, седьмой – при совершении исповеди и иных таинств. Помимо языка слов, есть еще язык музыки, на котором я иногда пытаюсь передать что-то людям.

Но все эти языки я использую с одной целью – рассказать людям о Боге, о Христе, о Церкви и о спасении. Наверное, именно для этого я был 30 лет назад рукоположен. Ведь служение священника или епископа – это продолжение апостольского служения. Проповедь Христа в ней занимает центральное место, и я стараюсь эту проповедь вести всеми доступными мне средствами.

– Продолжаете ли Вы писать музыку? Нравится ли Вам православная служба с музыкальной точки зрения? Какой бы Вы хотели ее видеть с музыкальной точки зрения?

– Пик моего музыкального творчества пришелся на 2006–2008 годы, когда я написал одно за другим несколько крупных произведений: Божественную литургию, Всенощное бдение, «Страсти по Матфею», «Рождественскую ораторию», симфонию «Песнь восхождения» на слова псалмов. Затем я еще написал несколько небольших произведений, включая кантату «Стабат Матер». А с 2012 года никакой музыки больше не писал. Некогда.

Пение за богослужением должно быть, прежде всего, молитвенным. Оно не должно отвлекать от молитвы, но наоборот – должно ей способствовать. Меня очень огорчает, когда за службой хор поет слишком громко, или исполняет концертные номера. В литургии важна цельность – это касается и пения на клиросе. Очень люблю древнерусское знаменное пение. Но и нынешнее четырехголосное тоже люблю, лишь бы пели внятно и молитвенно.

Источник: <https://mospat.ru/ru/news/48282/>